

ЗОЛОТАЯ ТРУБА ЕВРОПЫ

ЭДДИ РОЗНЕР —

В 1918 году первый американский джаз пересек океан, чтобы дать несколько концертов в Европе, и произвел фурор в Старом Свете. Уставшая от войны Европа встретила это оптимистическое искусство с бурным энтузиазмом. Одним из самых ярких поклонников джаза стал Эдди (Адольф) Игнатъевич Рознер. Он учился на пианиста в Берлине, и весьма успешно — его приглашала аккомпанировать себе, уже будучи знаменитой, Марлен Дитрих. Но игра на джазовой трубе стала его истинным призванием.

Марлен СТРОНГИН

Признание
Луи
Армстронга

В 1934 году в Берлин на Олимпийские игры приезжает король американского джаза Луи Армстронг. Он не любит ходить на стадион, где бесноватый фюрер во время победы негритянских спортсменов демонстративно покидает свою ложу. Вечерами Армстронг играет для спортсменов-соотечественников: для белых и черных, для тех, кого объединяет искусство джаза. В один из таких вечеров он знакомится с Эдди Рознером и поражается его великолепной игре. Они сразу становятся друзьями как люди, одержимые джазом. Вездущие фоторепортеры фиксируют их встречу на пленку. Великий Луи Армстронг дарит Рознеру свою фотографию с надписью: «Белому Луи Армстронгу от черного Эдди Рознера», тем самым приравняв его мастерство к своему. И он недалеко от истины — Эдди Рознер неофициально, но единогласно провозглашен коллегами Золотой трубой Европы.

Счастью Эдди нет конца. Он создает оркестр, с которым гастролирует по Европе. Женится на

Руфи Каминской — дочери легендарной актрисы и основательницы польского еврейского театра Иды Каминской. Он ненавидит Адольфа Гитлера, но с именем Адольф, полученным волею судьбы, ему не удалось расстаться в паспорте до конца жизни.

Опасаясь преследования нацистов, захвативших Польшу, Рознер, сын немки и еврея, остается со своим джазом в Белостоке, присоединенном в составе Западной Белоруссии к Советскому Союзу.

Рознеру повезло. Первый секретарь ЦК Белоруссии Пономарев Максим Горький назвал его «музыкой толстых». Советские джазы переименовываются в «эстрадные оркестры», в них даже вводятся номера отнюдь не музыкального свойства. И Рознер вводит в коллектив шуточное трио, состоящее из музыкантов Бориса Гофмана, Луи Марковича и Юрия Благова, ставшего впоследствии поэтом-

сатириком. Их песенка «Мандолина, гитара и бас» становится популярной в стране. Кроме того, Луи Маркович исполняет мастерски и иронично тирольские песни. Но так или иначе джаз Рознер сохраняет.

Приговор —
10 лет

В начале этого года Эдди Игнатъевичу Рознеру исполнилось бы 90 лет. Мне кажется, что еще совсем недавно я видел его на сцене — веселого, улыбающегося сквозь короткие усики, в белоснежном костюме и с неизменной трубой в руках. Он только что блестяще отыграл соло в джазовой композиции Люка Эллинттона «Караван» и слегка опустив голову, благодарит зрителей, кричащих «Браво! Браво!» Стройный, бесконечно обаятельный, он направляется к выходу со сцены, но скандированные зала заставляют его бисировать «Караван».

В этом красивом бодром музыканте трудно даже заподозрить человека, еще сравнительно недавно прошедшего круги ада.

Обратимся к официальному документу ФСБ Российской Федерации за № 107/А-653 от 8.02.2001 г. На мой запрос в ФСБ об Эдди Рознере начальник Уп-

Эдди Рознер
с семьей (1940-е гг.)

равления регистрации и архивных фондов Я. Ф. Погоний ответил так: «Эдди Игнатъевич Рознер арестован органами государственной безопасности 29 декабря 1946 г. по обвинению в попытке измены Родине путем бегства из СССР в Америку». Документ по своему смыслу обескураживающий: сбежать через океан в Америку — дело невозможное. Правда, прошел слух, что Эдди Рознер собирался уехать в Польшу. Уехать совершенно легально: известно, что после войны Сталин разрешил всем польским евреям, спасавшимся от Гитлера в СССР, вернуться на родину. Уж не это ли желание чекисты посчитали бегством?

Обвинение, предъявленное Рознеру, было сверхтяжелым. Изменная статья каралась расстрелом. Для ведения подобных дел высшими чинами КГБ разрешались спецмеры, то есть пытки. Это был и круглосуточный допросный конвейер, когда один следователь отдыхал, а другой допрашивал подсудимого, и так называемый «маникюр» — сдирание ногтей с пальцев, и холодный карцер с ледяным полом. Одной из самых страшных пыток была «смирилка». Подсудимого закутывали в пропитанное водой суровое полотно, которое, высыхая, доставляло ему жуткие муки, от которых он терял сознание.

На вопросы о пытках Эдди Игнатъевич никогда не отвечал, переводил разговор на другие темы. Но он их прошел и не подписал приговор — иначе бы получил расстрельную статью. «По Постановлению Особого Совещания МГБ СССР от 7 июля 1947 г. Эдди Игнатъевич Рознер осужден к заключению в ИТЛ сроком на 10 лет».

И тогда он дал себе слово во что бы то ни стало снова вернуться на сцену. Но путь к ней был далек и труден.

Какие мечты о сцене могли быть у ээка? — удивится читатель. Представьте себе, могли. Александр Солженицын в своей книге «Архипелаг ГУЛАГ», в главе «Музы в ГУЛАГе», пишет: «Крепостные театры существовали при каждом областном УИТЛК, и в Москве их было даже несколько. Самый знаменитый был — Ховринский крепостной театр полковника МВД Мамулова. Мамулов ревниво следил, чтобы никто из арестованных в Москве знаменитых артистов не проскочил бы через Красную Пресню (имеется в виду пересыльная тюрьма. — Ред.). Его агенты рыскали по другим пересылкам. Так он собрал у себя драматическую труппу и начатки оперной. Это была гордость помещика: у меня лучше театр, чем у соседа! Помещики возили своих артистов друг к другу, хвастаться».

Вероятно, Мамулову было не под силу создать свой лагерный джаз, возможно, он «обошел» Рознера потому, что его арестовали не в Москве, а в гостинице города Львова. В результате Рознер оказался в Магадане. Там уже находился известный певец Валдим Козин, а в лагерях было немало хороших джазовых музыкантов. Там же он познакомился с Мариной — своей будущей гражданской женой, у них родилась дочь Ирина. Это не был брак в принятом смысле слова. Бог отпустил им семь лет любовных встреч урывками.

Отдаленность магаданских лагерей от центра КГБ сказывалась. Длазу Рознера позволялись даже своеобразные гастроли, разумеется, под лагерной охраной.

Хозяин Магадана хвастался своим коллективом и в Благовещенске, и в Комсомольске-на-Амуре, а чаще всего в Хабаровске. И не случайно в начале 2001 года юбилейные Дни Рознера проходили именно в этом городе.

Хозяин Магадана хвастался своим коллективом и в Благовещенске, и в Комсомольске-на-Амуре, а чаще всего в Хабаровске. И не случайно в начале 2001 года юбилейные Дни Рознера проходили именно в этом городе.

Какой еще
Днепрогэс?

После смерти Сталина Эдди Игнатъевич был освобожден. Но освобожден по амнистии, т. е. даже не реабилитирован. Так записано и в документе: «Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 24 апреля 1954 года в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 марта 1953 года «Об амнистии» Адольф Игнатъевич Рознер из-под стражи освобожден, дело в отношении его прекращено».

Амнистирован. Не более. Преступник, попавший под амнистию. И вот он, полный обиды, несправедливости, можно сказать, условно освобожденный, продолжает свое верное и бескорыстное служение искусству. Создает новый джаз, не хуже, чем предыдущий. Выходит на сцену и через мгновение сливается в звучании со своей трубой. Только опытный человек обратил бы внимание на его зубы — все до единого золотые. Прежние — или выбиты следователем, или выпали от цинги.

Рознер вводит в джаз новинку: у него работают два отличных ударника — Осмоловский и Матвеев. Ритм концерта усиливается. Его мягко ведет умный и обаятельный конферансье Гарри Гриневиц, позже работавший с Вадимом Тонковым. Рознер признан корифеем эстрады. На его концерт приходит Аркадий Райкин. После концерта они удаляются за кулисы. Им есть о чем поговорить. О том, что власти их терпят лишь потому, что они приносят большие прибыли. Райкин рассказывает, чего стоило ему выехать в Венгрию, выучить несколько интермедий на венгерском языке, как там о нем сняли фильм, заговорила вся страна. Разве зазорно быть популярным в других странах? Рознер молчит, сжав губы, — он вообще невыездивой, даже не может мечтать о гастролях в других странах.

Кинорежиссер Эльдар Рязанов понимал, что в стране есть один приличный, европейского уровня джаз, и он приглашает Эдди Рознера с оркестром сниматься в фильме «Карнавальная ночь». Эта ставшая хрестоматийной советская комедия и сохранила для нас на пленке облик и игру великого джазиста.

Вне сцены я впервые увидел Эдди Игнатъевича, когда он заключал договор на программу для своего оркестра с поэтом Михаилом Светловым. Я удивился этому альянсу, зная, что Светлов не пишет для эстрады. Потом понял, что Рознер просто хотел помочь старому и больному другу. Его оркестр был достаточно богат, чтобы заплатить автору 25% от гонорара по заключению договора, не надеясь на получение самой программы.

Кажется, что Эдди Игнатъевич забыл все обиды, работает с подъемом, на его концерты валит зритель, а это лучший допинг для артиста. Он создает новую программу и ее разговорную часть поручает написать мне и питерскому автору Игорю Виноградову.

Никогда не забуду эту встречу в его доме в Каретном Ряду, где у него была двухкомнатная квартира. Тогда я по наивности решил предложить Эдди Игнатъевичу монолог о трубе. От удивления Эдди Игнатъевич вскинул брови, видимо, ожидая услышать иронический рассказ о трубе в истории джаза, но я, напичканный с детства советской пропагандой, стал говорить о том, как звала труба в бой красноармейцев, как поднимала дух строителей Днепрогэса... Эдди Игнатъевич нахмурился и резко перебил меня:

— Извините, но я не знаю, что такое Днепрогэс!

Позднее, узнав о его жизни, я догадался, что ему было неприятно слушать о символах советской власти. Но мы с Игорем поняли, что Эдди Рознеру, в отличие от некоторых его коллег, вовсе не нужна идеологизированная программа, и написали довольно смешное действо.

Шли годы, артист старел, хотя на сцене это было мало заметно — прежний темперамент, великолепная актерская форма. Он один знал, почему ему не присваивают даже звания заслуженного артиста РСФСР, почему не посылают в зарубежные гастроли, почему не повышают ставку его музыкантам и ему самому.

Но раз так, раз Москва его не ценит, раз он всего лишь заслуженный артист Белорусской ССР, то к черту эту Москву!

Забывшая
звезда

Рознер перебрался с джазом в Гомельскую филармонию, в Белоруссию, откуда начинал свой эстрадный путь в Советском Союзе. Там он женился на зазорной балерине оркестра Галине Ходес, танцевавшей в трио с братьями Зерновыми. Думал, что в Белоруссии, где его когда-то встретила удача, повторится молодость. Но застал обычную периферийную филармонию с еще меньшими возможностями для гастролей и творчества, чем в столице.

Сейчас я думаю: а что, если бы он действительно оказался в Америке, за мнимую попытку «убежать» в которую его судили и пытали? Наверное, он прожил бы совсем другую жизнь и мог бы приезжать в Россию как желанный гастролер, как звезда мировой величины.

Последний раз я услышал по телефону его голос из Гомеля. Он просил меня написать монолог для новой «разговорницы» его коллектива Нины Поповой. Я, к тому времени уже бросивший эстраду, не мог ему отказать в этом, но попросил, чтобы режиссером номера был Марк Розовский, чью студию при МГУ «Наш дом» разогнали, и Марк был без работы.

— Нет вопросов, — грустно ответил Эдди Игнатъевич, и через день директор его джаза подписал договоры с Марком и мною, выплатив деньги авансом.

А потом я узнал, что, не удовлетворенный работой в Гомеле, Рознер эмигрировал в Германию.

Он полагал, что его должны помнить в этой стране; как-никак — Золотая труба Европы! Но его забыли.

Помнят ли его в Москве? Поклонники джаза, конечно, помнят. Власти, по-видимому, не очень. Ведь дело о реабилитации Эдди Рознера до сих пор лежит в Генеральной прокуратуре РФ.